

Борецкий О.М.¹, Швыдко А.А.²

¹канд. филос. наук, доцент кафедры философии,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: cinema-paradiso@mail.ru

²канд. филос. наук, доцент кафедры «Социально-экономические науки»
Университета Международного Бизнеса, Казахстан, г. Алматы

ФИЛОСОФИЯ И РИТОРИКА АНТИЧНОГО ПРАВА

Общим и конечным предметом данной публикации является правовая культура античности и вопрос о духовно-смысловых корнях непреходящего значения античного права. Поэтому статья посвящена рассмотрению ряда фундаментальных понятий, которые характеризуют глубинный смысл права в контексте интеллектуальной, духовной и риторической практики древнегреческой и древнеримской философии и юриспруденции. Особое внимание уделено «слову права» и «слову о праве», что как раз и позволило объединить философские и риторические аспекты анализа античной правовой культуры, а также, в частности, сделать вывод о том, что риторика Аристотеля была методологией юридического дискурса в период его становления.

Ключевые слова: дух, идея, метафора, право, риторика, слово, философия.

Boretsky O.M.¹, Shvydko A.A.²

¹cand. philos. sci., Associate Professor, Department of Philosophy,
Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: cinema-paradiso@mail.ru

²cand. philos. in Economics, Associate Professor of the Department of Socio-Economic
Sciences of the University of International Business,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: cinema-paradiso@mail.ru

Philosophy and rhetoric of ancient law

The Antique Law Culture and question about spiritual and semantic roots of the imperishable value of ancient law are the general and final subject of this publication. Therefore, the article is devoted to a number of fundamental concepts that characterize the deep meaning of Law in the context of intellectual, spiritual and rhetorical practice of Ancient Greek and Roman philosophy and jurisprudence. The special attention is paid to the «word of Law» and the «word about Law», which has made it possible to combine the philosophical and rhetorical aspects of the analysis of the Ancient Law Culture, and, in particular, to conclude that Aristotle's rhetoric was the methodology of juridical discourse in the period of its becoming.

Key words: spirit, idea, metaphor, law, rhetoric, word, philosophy.

Борецкий О.М.¹, Швыдко А.А.²

¹философ. ғылымдарының кандидаты, доцент,
әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: cinema-paradiso@mail.ru

²философ. ғылымдарының кандидаты, доцент,
Халықаралық Бизнес университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Антикалық құқықтағы философия және риторика

Аталмыш мақаланың қарастыратын пәні – антикадағы құқықтық мәдениет және мәні жойылмас антикалық құқықтың рухани-мәндік тамырлары туралы сұрақ. Мақалада құқықтың терең мағыналарын интеллектуалдық, рухани және риторикалық практика тұрғысынан

сипаттайтын біршама іргелі ұғымдар қарастырылды. Антикалық құқықтық мәдениет талдауының философиялық және риторикалық қырларын біріктіретіндіктен «құқық сөзіне» және «құқық туралы сөзге» баса мән берілді. Сонымен қатар, Аристотель риторикасы заң дискурсының қалыптасу кезеңінде оның методологиясы болғаны жайлы қорытынды жасалды.

Түйін сөздер: рух, идея, метафора, құқық, риторика, сөз, философия.

Введение

Классическое понимание античности (и греко-римской античности, в частности) как «детства человечества» порождает неизбежное и почти парадоксальное следствие: в этой незрелой, с точки зрения современной цивилизации, культуре, в этой «недисциплинированной игре детской фантазии» были, тем не менее, открыты и сформулированы (порой в наивной форме) фундаментальные основы, идеи и смыслы всех современных нам областей человеческого духа.

Начать, видимо, стоит с названия. Почему «философия античного права»? Ведь более привычным является выражение «античная философия права».

Философию права можно, помимо существующих в литературе определений, трактовать двояким, например, образом. Во-первых, как *распространение определенной философской доктрины на исследование права* (скажем, простирающие гегельянского, или классического марксистского, философского подхода на анализ права). Во-вторых, можно понимать философию права как *«исповедование» тем или иным правосознанием, правопониманием, правовой доктриной вполне определенных философем.*

Именно это, второе, обстоятельство имеет для нас в данном случае первостепенное значение. Поскольку такой подход позволяет осуществить попытку «заглядывания за поверхность» конкретно-исторической формы правосознания, правовой культуры с целью постижения их существенных черт, сторон, качеств и т. д. Отсюда также представляется оправданным говорить именно о *философии* античного права, античной правовой культуры.

Что означает «найти, установить, выявить философемы»? Это значит определить, установить «метафоры» – в данном случае античного – правосознания, правопонимания, правовой культуры. Почему «метафоры»? Словарь В.И. Даля подсказывает: термин «метафора» означает «иное слово», «другое слово». Философия на протяжении всей известной нам ее истории предстает как «вечное возвращение» к одним и тем же «проклятым вопросам» – о смысле

и основаниях мироздания, о человеке и смысле его жизни, о сущности мира, истории и т. д. То есть, философия в разные периоды своей истории ищет все более «точное слово» для ответа на эти вечные вопросы, являясь в этом смысле «метафорическим знанием».

Сказанное позволяет более точно обозначить нашу задачу: философия античного права, философствование о нем как социально-историческом феномене будет поиском тех самых философем-метафор, которые помогут постичь существенные, онтологически укорененные и значимые основания античного права, античной правовой культуры.

Методология рассмотрения темы данной статьи уже предварительно может быть понята как синтез различных форм герменевтического опыта – от философской герменевтики, исповедующей стремление к интерпретации эпистемологического контекста понятий, категорий, до герменевтики текста как такового в его исторической ретроспективе и исследовании смысла цитируемых первоисточников. Второй ракурс методологического инструментария – это компаративистика, сравнительный анализ теорий, позиций, взглядов тех или иных мыслителей, философов и юристов. Третья составляющая методологии – принцип единства исторического и логического в познании. В данном случае этот принцип реализуется применительно как к материалу сугубо историко-философского характера, так и к материалам по истории права. Рассмотрение фактов в форме отдельных событий или суждений (несколько примеров из древнего греческого и римского права) с необходимостью помогает убедиться в том, что существует определенная логика правовой культуры античности, позволяющая обобщить то глубинное, что составляет исходную сущность Идеи Права.

Теоретическая канва наших размышлений над совокупностью фундаментальных философем античного права имеет под собой ряд оснований, имеющих отношение как к истории философии и истории права, так и к некоторым вопросам философской антропологии, социальной философии.

В первую очередь следует упомянуть *философскую* по своей сущности гипотезу П.А. Флоренского о бессмертии. В самом кратком переложении она такова. Теория относительности Эйнштейна, которую Флоренский как превосходный инженер и математик прекрасно знал, показала, что объект, движущийся со скоростью света, способен перейти «перескочить» в иную Вселенную с совершенно другими свойствами пространства-времени и находиться в ней как бы в «свернутом» – по отношению к нашему привычному нам миру – состоянии. Флоренский гипотетически рассуждает: почему бы не предположить, что мысль человеческая как плод его *духовного усилия*, «движущаяся» столь же быстро, как и свет (если не быстрее), способна «выскочить», «вывернуться» за пределы нашего мира в некую особую вселенную? Тогда получится, продолжаем мы гипотезу Флоренского, что мысль, например, нашего современника как продукт его духовного усилия «вывернувшись» в ту, иную вселенную, способна встретиться с продуктами духовных усилий, исканий предшественников. В результате случается тот неповторимый момент, когда, как говорится, «вот еще миг, и ты поймешь глубинный замысел и смысл» сказанного предшественником, «спрятанного» им в своем произведении, в картине, в музыкальном творении. Так, сам Флоренский рассказывал о том, насколько сильно захватил его образ Троицы известного творения Андрея Рублева. И Флоренский делал вывод: культура как продукт духа и есть обитель человеческого бессмертия. Человек назначен вечности через культуру и собственное духовное усилие...

Кто знает, быть может, проникаясь духом глубинного смысла фундаментальных понятий и положений прежних правовых систем через посредство герменевтического опыта, мы испытываем не только некую «эмпатию», но и ощущаем наше соприсутствие в духовной ситуации того давнего времени, переживаем некий сакральный акт со-мыслия с авторами *тех* законов, творцами и проводниками *той* правовой культуры?

Во всяком случае, философско-исторический опыт Пьера Адó, выдающегося исследователя античной философии, также дает нам некоторую уверенность в том, что герменевтический опыт, опыт глоссаторов – весьма непростое духовно-практическое занятие [1].

Столь же полезен в контексте сказанного замечательный труд итальянского философа и правоведа Эмилио Бетти по методологии герме-

невтического анализа как одного из важнейших оснований наук о духе [2].

Основная часть

Теперь перейдем к существу темы, рассматривая в первую очередь древнегреческую философию и культурную историю. Одна из особенностей древнегреческого философского мышления состоит в том, что перед «философствующими» не стоял вопрос о том, есть этот мир или нет – он уже был задан. И главная исходная тема древнегреческой философии – это вопрос о *субстанции* мироздания. Это и прослеживается в учениях о первостихиях огня, воды, земли, воздуха, об апейроне, сочетаниях первостихий и т. д. Другими словами, греческая философия как метафорическое понимание мира ищет (у каждого мыслителя в совершенно особом виде) свой **универсальный и субстанциальный** ключ к объяснению мира. И если для Фалеса такой ключ (метафора) – вода, а для Гераклита – огонь, то это означает утверждение универсальной модели всех вещей мира: в воде Фалеса (равно как и в огне Гераклита) генезис и механизм жизни, души, развития, структуры, состава, социума и т.д.

На первое место выдвигается при этом учение о *космосе* как *гармоническом порядке* (само слово «cosmos» ближайшим образом можно перевести на русский язык как «порядок»). Причем, как известно, эта идея гармонической упорядоченности всего сущего и существующего распространялась не только на Вселенную (например, учение Парменида о бытии), но и на социум и человека (учения о макро- и микрокосмосе, микрокосме). Что характерно для природного универсума, то присуще и социальной организации, а именно, например, – *симметрия, равновесие, равенство* между элементами этих «cosmos'ов». Как показано исследованиями А.Ф. Лосева, Ж.-П. Вернана и других, великий архонт Солон ставил себе в заслугу то, что смог установить и сохранить равенство (*to ison*) в обществе. И это напоминает идею уподобленности социально-политического организма универсальному вселенскому космическому порядку его старшего современника Милетца Фалеса: понимание закона, равенства в политико-правовом и нравственном смыслах совпадало со смыслом тех же понятий в античной (в данном случае мы говорим о древнегреческой) натурфилософии. Следовательно, в качестве первых метафор-фи-

лософем античного правосознания и правопонимания можно рассматривать такие, как «порядок», «симметрия», «равенство», «равновесие».

Известный французский исследователь древнегреческой философской и гражданской истории Ж.-П. Вернан пишет, что греки изобрели «некоторый разум, инструментом которого является язык и который позволяет воздействовать на людей...», разум политический в том смысле, в котором Аристотель определяет человека как политическое животное» [3].

Можно сказать, что переход от мифа к логосу как новому устройству бытия и сознания, новой убедительности и упорядоченности по сути и означал органическое сочетание и взаимопроникновение в понятии Logos слова и разума, закона и порядка.

Греки вообще придавали колоссальное значение Слову. Не случайно они приветствовали нового собеседника словами: «Я хочу тебя услышать, чтобы тебя увидеть». В конечном итоге эта ценность слова привела к изобретению риторики, которую, как известно, инициировали софисты, а академически оформил Аристотель. В философии античного права, где греческая традиция была дополнена римской, риторика также существовала по принципу дополнительности и в значительной степени отражала функциональность и характер бытования права. В греческой традиции риторики (и судебной риторики, в частности) это была «наука убеждать», искусство влиятельной речи. В римской – риторика понималась как «искусство говорить хорошо», и за этим прежде всего стояла та точность формулировок и лаконичность, которую все мы знаем по четкости и краткости латинских афоризмов. «Non multum, sed multa» («Не много, но многое») – таково правило краткости и базовая формула римской риторики и права.

Особо следует отметить часто упускаемый момент. Риторика Аристотеля была явлением скорее юридическим, а не филологическим, и более того в исторической ретроспективе (и благодаря Аристотелю) можно смело утверждать, что риторика была ранней стадией древнегреческого права. И риторика, и право обнаруживают сходство целей: первая обращена к изменению *мнения*, второе – к изменению *поведения*. Знаменитая «Риторика» Аристотеля, равно как и связанные с ней «Топика», «Этика» и «Политика», по сути представляют собой основы правовой техники и юридической методологии. Другими словами, риторика была сформулирована и раскрыта Аристотелем не как лингвистическая,

философская и логическая дисциплина (хотя все эти моменты в ней имплицитно присутствуют), а как *метод (технология) правового дискурса*. Риторический аргумент (энтимема) в Древней Греции понимался как способ построения юридического рассуждения. С развитием континентального права риторика растворилась в нем логикообразующим алгоритмом.

В риторике Аристотель, в отличие от Платона, видит не столько красноречие (элоквенцию), сколько искусство мышления, искусство влиятельной речи. Риторика, по мысли Аристотеля, призвана оказывать практическое влияние на судей. Как раздел диалектики риторика является «методом для нахождения доказательств» и частью «науки о нравах, которую справедливо назвать политикой» [4].

Итак, *слово* – вот, что позволяет воздействовать на людей, организуя их некоторым социально-политическим *порядком-равновесием*. Причем не всякое слово, а слово *записанное* или *публично, гласно, во всеуслышание произнесенное*. Право также есть совокупность преданных гласности или писаных правил, являющихся основами космоса-порядка социального целого. Таковыми правилами выступают, как известно, *законы*.

В праве (= законах писаных и гласных) слово теряет свой сакральный смысл, становится словом *человеческим*. Греки осуществили необходимость записать обычаи, чтобы благодаря могуществу писаного слова укрепить влияние закона, позволяющего закрепить наличный социальный порядок. «Совсем не случайно, – писал видный русский философ права И.А. Ильин, – люди стали облекать правовые правила поведения в форму *логических тезисов* и записывать их. Дело не только в том, что «*verba volant, scripta manent*» – *слова улетучиваются, записанное остается*». Живя совместно, люди стремятся *сохранить, повторить* и *распространить* единожды обретенное «верное» решение спора или конфликта и *закрепить* найденный «верный» способ поведения: «пусть будет то же самое во всех одинаковых случаях» [5].

Социально организованным пространством, на котором право выступало как слово, как порядок и равенство, был *полис*. Точнее – даже не «дворец», а *агора*. И она – не просто какое-то возвышенное место, холм. Слово «агора» означает некоторое «*общее пространство*», «*место общего очага*» (по-гречески в латинизированной для удобства прочтения форме – *Hestia koine*), место, в котором пребывает *архэ* – двига-

тельная сила, дух этого места, присущий всепробывающим-в-нем-людям. По словам Гиппия (в «Протагоре» Платона), Афины, а значит и его центр, агора, – средоточие и ось притяжения разума и красноречия, – составляют как бы «присутственное место мудрости», «*protaneion to sophias*» [6].

Важно отметить, что агора по своему определению была тем местом, где практически была невозможна монологическая речь. Само место располагало к диалогу, диалогике, к полемике и расширению пространства аргументации. Именно здесь возникла диалектика и эристика как искусство спора. Именно здесь появились разнообразные виды философской аргументации, которые выходили за рамки чистой логики и которые на столетия вперед определили характер и инструментарий судебной риторики.

В полисе, городе-государстве греков, господствует идея порядка, подчиненного праву, закону, называемому *nomos*; и только он устанавливает для всех составляющих природу элементов порядок, в соответствии с которым ни один из них не может иметь абсолютную или хотя бы относительную власть (*cratos*) над другими.

Это – принципиально важный момент: даже Зевс не обладает всей абсолютной полнотой власти, будучи подчинен некой верховной необходимости. Сохранилось предание, рассказывающее о встрече стоика Хрисиппа с Зевсом, при которой громовеержец откровенно признается философу в том, что он не может считать себя совершенно свободным существом, ибо и ему назначено подчиняться необходимому порядку Космоса. Подчеркивая идею равенства всех перед Законом, тот же Зевс объяснял Геркулесу, что никакой общественный союз, полис, не может существовать, если только немногие будут причастны к закону, к стыду и ответственны по совести; а непричастных к ним должно истребить как язву государства.

Мы также должны упомянуть, что у греков красной нитью проходило преклонение перед авторитетом закона. «Лучшее государство то, где все боятся закона как тирана» (Биас); «Счастливы то государство, где больше всего слушаются законов и меньше всего ораторов» (Хилон); «Наибольшая слава царя заключается в неуклонном соблюдении законов... Граждане должны отстаивать законы своего города так же, как и его стены» (Гераклит).

Далее, достаточно вспомнить об упоминавшемся выше Солоне и его идее равенства (*to*

ison, отсюда – *isonomia*, равенство всех перед законом, то есть *ison + nomos*). И на основании всего сказанного заключить: ближайшими метафорами, проясняющими философско-онтологический смысл античного права, являются термины «порядок», «закон», «слово» (закрепленное в законе), «равенство», «равновесие» и т. д., а также представления о свободе, регулируемой необходимостью и власти, способной утвердить законность.

Еще одной важнейшей философемой является понятие *dike*, *справедливость*. Известно, что нечто становится обладающим философским или правовым значением, когда освящается и освещается *принципом* – либо, соответственно, философии, либо права. Философия рассматривает человеческий дух, мышление; право рассматривает поведение человека. Принципы философии – истина, благо, добродетель. Принципы права – справедливость, равенство, свобода. Древние греки первыми установили единство, совпадение между принципами философскими и правовыми.

Понятие справедливости является самым, пожалуй, дорогим в философии одного из величайших дохристианских мыслителей – Сократа. Что же до Платона, то для него идея справедливости состояла в том, чтобы каждый делал то, к чему он предназначен. Разбирая этот момент, Гегель, например, совершенно точно, блестяще отмечал: «В государстве Платона нет свободы мысли, совести, преподавания, пропаганды, нет свободы художественного творчества, нет свободного сближения между мужчиной и женщиной на почве личного влечения». И далее не без сарказма Гегель проговаривает: «Государство Платона – это кладбище мысли и чувства» [7].

Сократ допускает и рассматривает личность в качестве существенной стороны общественного устройства и для этого даже вводит представление о некоем «естественном праве» как совокупности божественных норм, которое отличается от «положительного права», основу которого составляют нормы, принятые (положенные) исключительно людьми. Именно согласно естественному праву личность обретала у Сократа свое высокое положение в его взглядах на нравственность, справедливость, гармоничное социальное обустройство. Право, таким образом, выступало как императив, обязывающий к должному и безусловному соблюдению справедливости. В конечном счете, эта позиция (возможно, отчасти, но, думается, по *бóльшей* части) стоила Сократу жизни... «Для развития великих

характеров нужны великие общественные несправедливости», – писал К.Н. Леонтьев...

Важно подчеркнуть, что греческая философия создала базовое понятие справедливости, связав его с понятием *меры*. Мера была теми границами, в которых можно было говорить о каком-либо качестве. За границами качества понятие справедливости утрачивало смысл. В итоге справедливость рассматривалась в трех основных качествах и понималась как «мера наказания», «мера воздаяния» и «правомерность оценки».

Немало поучительного дает история Римского классического права. Приведем несколько примеров. Приблизительно около V в. до н.э., как писал историк Тит Ливий, десять мужей, децемвиров, «пригласили всех [римлян] на собрание и предложили читать выставленные законы на благо, счастье и благополучие государства, их самих и их детей; они-де, насколько могли, уравнивали права всех, знатных и незнатных [курсив наш – О.Б., А.Ш.]».

Речь, понятно, идет о Законах XII таблиц. Здесь мы видим присутствие тех же философов: право есть закон, Слово, писанное и читаемое; право есть выражение блага, счастья, благополучия граждан и государства; право есть равенство (компромисс притязаний и обязательств). Или, например, в Дигестах императора Юстиниана читаем слова Цельса: «Право есть наука о добром и справедливом».

Смысл права (*jus*, «юридического»), как его трактовали римляне, в том и состоял, чтобы взвесить на весах справедливости притязания формально равных перед законом людей; признать свободу одного пользоваться чем-либо (вещью, земельным наделом) и ограничить притязания и свободу другого на пользование тем же самым. Как много позднее покажет, например, Иммануил Кант, посредством права (и морали, нравственного начала) свобода лица находила границу в признании свободы других.

Вот тут, в этом пункте, выскажем одну принципиально значимую мысль. *Существеннейшим моментом всякой философии права и всяческих философов о нем является не что иное, как идея допущения «другого» («иного, нежели сам») в*

сферу нашей индивидуальной самости, нашего индивидуального материального и духовного, личностного существования – будь то сфера «владения» (собственность) или сфера наших личных прав и свобод.

Этим «другим» по отношению ко «мне» может выступать и отдельный человек, и государство, и община, и все общество. Право, таким образом, *можно рассматривать как полагание и обнаружение меры допустимости (даже – допускаемости) «иного», «другого» в «мое» личное, субъективно-индивидуальное поле материального (= экономического), политического, духовного, ценностного, собственно правового самостояния и обстояния.*

Заключение

Подводя итоги, можно утверждать, что древнегреческая и древнеримская правовые культуры заложили те вечные основы философии правовой культуры, правопонимания, правоистолкования, которые и по сей день составляют основы цивилизации. Они заложили основания для всех возможных философствований о праве, составляющих концептуальное и парадигмальное содержание философии права, рассуждающей о его глубинной онтологической и социально-исторической сущности. Античная культура сделала это, подобно тому, как (по известному выражению классического марксизма) античность заложила основы всех позднейших типов мировоззрений.

И, наконец, последнее замечание. Определенный исторический тип права рождается и умирает вместе с той цивилизацией, которая его порождает. Но (и в этом состоит важнейший урок, в частности, современной социальной философии как философии культуры) оно обладает всеми предпосылками своего «бессмертия», если способно содержать и удержать в себе ничем не устранимое духовное начало. А именно дух, в том числе и дух культуры, как это показал пример лучшей философской гипотезы о бессмертии, принадлежащей П.А. Флоренскому, и сообщает вечное временному, преходящему.

Литература

- 1 Адо П. Философия как способ жить. – М. – СПб.: ИД «Коло», Катарсис, 2004.
- 2 Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. – М.: «Канон», РООИ «Реабилитация», 2011.
- 3 Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – М.: Прогресс, 1988. – С. 20.

- 4 Аристотель. Риторика // Античные риторики. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – С. 20.
- 5 Pernot L. La rhétorique dans l'antiquité. Le livre de poche, Librairie Générale Française, 2000. 351 p.
- 6 Ильин И.А. Учение о правосознании. – М.: Парогъ, 1993. – С. 260.
- 7 Шершеневич Г.Ф. История философии права. – 2-е изд. – СПб., 1907. – С. 29.
- 8 Гегель. Лекции по истории философии. Кн. 2. – СПб.: Наука, 1994. – С. 75.

References

- 1 Ado P. (2004) *Filosofija kak sposob zhit'*. – М.– СПб.: ID «Kolo», Katarsis.
- 2 Betti Je. (2011) *Germenevtika kak obshhaja metodologija nauk o duhe*. – М.: «Kanon», ROOI «Reabilitacija».
- 3 Vernan Zh.-P. (1988) *Proishozhdenie drevnegrecheskoy mysli*. – М.: Progress. – S. 20.
- 4 Аристотел'. *Риторика // Античные риторики*. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – С. 20.
- 5 Pernot L. (2000) *La rhétorique dans l'antiquité. Le livre de poche, Librairie Générale Française*. – 351 s.
- 6 Ильин И.А. (1993) *Учение о правосознании*. – М.: Парогъ, 1993. – С. 260.
- 7 Шершеневич Г.Ф. (1907) *История философии права. 2-е изд.* – СПб. – С. 29.
- 8 Гегел' (1994) *Лекции по истории философии. Кн. 2.* – СПб.: Наука